

СНОВА ТУДА, ГДЕ МОРЕ ОГНЕЙ

Клаус УМБАХ

«ШПИГЕЛЬ», ГАМБУРГ.

В НОВОМ театральном сезоне что-то не так. Вместо того, чтобы привычно с серьезным видом рассуждать о вечном, дивы трогательно воркуют всякие глупости. Но эта, извините, чепуха, оказывается, вполне может быть культурным достижением.

Сегодня на сцене вновь царит оперетта. Причем практически всюду. В Мейнингене, Кобленце, Хагене, Саарбрюккене, Гейдельберге. Во Фленсбурге идет «Цыганский барон», в Регенсбурге — «Марица». Даже театры высокого класса и прославленные артисты под звуки незатейливых мелодий уносятся в страну шуток и розыгрышей.

Венская народная опера открыла сезон трехактной постановкой по мотивам произведений Легара, и эта премьера стала чуть ли не национальным событием.

Клаус Мария Брандауэр, один из самых известных актеров Германии, решил выступить с режиссерским дебютом в венском Музыкальном театре. Средства массовой информации просто не смогли обойти вниманием столь неординарное событие. Спектакль даже шел по телевидению в прямом эфире.

Как же так? Почему оперетта снова приносит зрителю удовольствие?

Десятилетиями оперетта считалась жанром, навсегда сошедшим со сцены, отыгранным и исчерпанным. Руководители театров избегали ставить опереточные спектакли, считая, что они приводят к отуплению публики, а дешевые бродячие театры лишь подлили масла в огонь. Музыкальные спектакли они превратили в балаган, а из великих творений Иоганна Штрауса и Ференца Легара умудрились состряпать нечто неудобоваримое.

Сегодня оперетта созрела для возвращения и вновь переживает расцвет. Правда, теперь она звучит по-новому, а за веерами и рюшами «веселых вдов» скрывается нечто большее, чем ностальгия по великосветской жизни времен монархии. Как это ни странно, но опереточные персонажи в костюмах минувших веков оказались очень похожими на некоторые типы из современного общества.

Однако жанр оперетты чертовски труден. В опереточных текстах наравне с изысканной литературной речью встречаются грубые, вульгарные словечки, а действие стремительно переносится из одного места в другое. Поэтому следовать оригиналу не всегда легко и выгодно. Бережное вмешательство в либретто неизбежно. Вычеркивание часто становится актом милосердия, а возможные актуальные дополнения оборачиваются выигрышем.

Еще сложнее с партитурами. Мелодии из «Летучей мыши» Штрауса и из произведений Легара стали жанровыми находками. Они чувствительны к любым изменениям. Если исполнять их слишком серьезно, то очарование исчезает. Если же подходить к ним легкомысленно, они становятся похожи на незатейливую

«Веселая вдова» в Берлине.

безделушку. Да, легкий жанр требует тяжелой работы.

И, наконец, декорации! Оперетта любит роскошь. Оформители бы с радостью украсили сцену всем реквизитом сразу. Но, как известно, излишество убивает любое очарование и в мгновение ока превращает остроумную вдову в легкомысленную барышню.

В берлинском «Метрополь-театре» позабыли эту простую истину. Безделушки, фигуры ангелочков, лестнички, балкончики, балюстрады, канделябры словно специально были призваны, чтобы отвлечь внимание зрителей от легаровской «Веселой вдовы». Среди беспрерывно вращающихся в танце пар, которые заполнили практически все свободное пространство на сцене, нельзя было отыскать главных действующих лиц. А музыка? Этакое пошурри из Легара, отличающееся потрясающей безвкусицей. Здесь, в центральном театре оперетты, бывший певец, прославившийся исполнением арий в операх Вагнера, Рене Колло — ныне художественный руководитель, режиссер и тенор в одном лице — взялся за задачу, которая с самого начала явно была ему не по силам. И превратил спектакль в полную нелепицу. Его «веселая вдова» во время первой арии появляется на публике с милым маленьким белым пуделем на руках, а в заключительной сцене еле уворачивается от опускающейся с потолка золотой клетки, полной амуров со светыми крыльями. Но это еще не все. Огромное, подсвеченное красной иллюминацией сердце, которое появляется вслед за ангелами, стремится засыпать с головой застывших в изысканных позах героев сверкающим конфетти. Заметьте, творение Колло идет три с половиной часа.

Совершенно иначе поставили «Веселую вдову» во Франкфурте-на-Майне. Легар предстает здесь сочиняющим музыку психологом. На сцене — не выставка крупномасштабного мусора, а отличающийся скром-

ностью дизайн. Такой опереточный спектакль можно назвать даже современным произведением искусства.

Никакой пестрой суматохи. Никто не носится с собачкой на руках. Художник Эрих Вондер и костюмер Андреа Шмидт-Футтерер, добившись полной согласованности, экономно подошли к краскам. Все отличается сдержанной элегантностью. Праздник в черно-белом цвете.

Декорации на заднем плане не бьют на эффект изысканности, а только на нее намекают. Слегка подсвеченная конструкция из металлических трубочек изображает салон, а любовным гнездышком для героев служит некое подобие наблюдательной вышки с винтовой лестницей и платформой.

Шутовские мачо у бара, денежные мешки в белых жилетках, визгливые кокетки, молчаливые пары, застывшие в фигурах вальса, наконец, те двое, вокруг которых разворачивается действие, с их боязнью прикоснуться друг к другу — все это плоды фантазии известного немецкого режиссера Петера Муссбаха. На крутящейся сцене вращается изысканное общество. Дамы и кавалеры умело и утонченно ведут «войну полов».

Описанной выше эстетике полностью соответствует дирижер Силвэйн Кэмбrelling. Начиная с первых тактов галопа в увертюре вплоть до хрупкого очарования заключительного дуэта, он стремится подчеркнуть очарование действия на сцене. Подлинный триумф постановки.

Между тем, как это часто бывает, жизнь театра зависит от чиновников. Среди франкфуртских есть слепцы, которые медленно, но верно перекрывают оперетте кислород. Однако можно смело утверждать, что оперетта даже на краю пропасти будет дарить своему зрителю новую, прекрасную жизнь.